

Немирович-Данченко Василий Иванович

Лялька

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Лялька / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
194 с.

ISBN 978-5-519-99015-8

ISBN 978-5-519-99015-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бы, какъ не мнѣ, считать себя счастливымъ. А между тѣмъ... Впрочемъ, объ этомъ ниже. Странно (мнѣ это не разъ приходило въ голову), почему директоръ департамента не бываетъ героемъ романа? Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, кого только нѣтъ между «симп послѣдними» (проклятая привычка къ казеннымъ бумагамъ: нѣтъ-нѣтъ да и ввернешь «сихъ послѣднихъ»!). Или и гг. писатели, какъ мои чиновники, думаютъ, что директору департамента не полагается имѣть общечеловѣческихъ чувствъ? А, можетъ быть, именно поэтому-то они у насъ развиты болѣе, чѣмъ у кого другого; только благодаря особенностямъ нашего положенія, служебному одиночеству и привычкѣ быть фокусомъ для взгляда подчиненныхъ, чувства эти у насъ выражаются нѣсколько странно? Взять хотя бы и мою жизнь, — чѣмъ она не романъ, позвольте? Разумѣется, я не стану, какъ маскарадная дама, дѣлиться воспоминаніями со всякимъ писателемъ. Меня только и можно наблюдать, что въ вицъ-мун-

дирѣ или за винтомъ сельско-хозяйственнаго клуба, а ни то, ни другое обстоятельство не даетъ никакого простора повѣствовательной любознательности. И такъ вѣрно будетъ до смерти, потому что моего дневника или правильнѣе «записокъ» ранѣе никто не увидитъ, даже та, для которой онѣ пишутся. Въ этомъ, впрочемъ, вся его цѣль, иной миѣ не надо. Никакихъ событій я вносить сюда не буду. Это лѣтопись моего сердца, т. е. именно того, чего во мнѣ никто не подозреваетъ, и только. Внѣшняя жизнь въ моей тетрадкѣ не отразится вовсе. Когда я умру, въ моемъ столѣ найдутъ ее и на обложкѣ увидятъ «для одной Ляльки!» Лялька ее и прочтетъ и узнаетъ, что я по отношенію къ ней не такъ виновата, какъ она думала или могла думать; убѣдится, что за всѣ послѣдніе шестнадцать лѣтъ если я о чемъ-нибудь мечтала, кого-нибудь искренно любилъ, то только о ней и ее. Я еще не старикъ, но мнѣ уже около пятидесяти. Могила, какъ будто, далека, хотя у насъ, у петербуржцевъ,

ничего не сообразишь. Кажется, здоровъ чело-
вѣкъ, какъ быкъ, и не просто здоровъ, но и
къ «Бѣлому орлу» представленъ, только бы
радоваться, да объ арендѣ тыщенокъ въ пять
помышлять, — анъ вдругъ параличъ сердца —
и «упокой Господи душу раба твоего, иде
же праведные обитзуютъ!» Такъ можетъ и со-
мной случиться, и вотъ тогда-то Лялька не
разъ поплачетъ надъ этими страничками и
вмѣсто того, чтобы клясть мою память, оправ-
даетъ ее, благословитъ и помолится за меня.
Буду ли я знать — это иной вопросъ. Надо ду-
мать, что буду. Съ одной стороны это выхо-
дитъ и такъ, а съ другой — черезъ сомнѣнія-то
мы все прошли, и у каждаго отъ нихъ въ мозгу
ржавчина осталась. Но хоть и не буду, все-
таки живому утѣшительно сознаніе, что па-
мять о немъ не угаснетъ, что на его могилу
придутъ дорогіе люди, помянутъ добромъ, пере-
крестятъ холодный мраморъ съ казенной над-
писью и, уходя, унесутъ съ собою въ душѣ
мягкое, нѣжное, грустное и умиленное отраже-

ніе какой-то высшей, свѣтлой печали. А если бы сама по себѣ такая и не коснулась Лялькина сердца, то мой дневникъ сдѣлаетъ это. Лялька пойметъ, что въ потемкахъ нашей петербургской сутолоки — мнѣ только изъ далека, изъ ея захолустнаго города свѣтило солнце и грѣло меня. Увидить, что я жилъ для нея, и только для нея... Если у нея будутъ дѣти, пусть и они поймутъ, что я уже не такъ виноватъ передъ ними. Грѣхъ случается со всякимъ, но авось они признаютъ, что я въ достаточной мѣрѣ искупилъ его. Разумѣется, она мучилась и страдала, — едва ли кому-нибудь выпадаетъ такая безрадостная полоса жизни! Но это скоро, скоро измѣнится. Мы будемъ вмѣстѣ, и я залѣчу раны ея бѣднаго сердчишка. Всѣ обстоятельства складываются такъ. Дорогая моя, взгляни, какой чудесный уголокъ я тебѣ приготовилъ. Только мягкая женская рука способна была бы создать подобное. Можетъ быть, мнѣ и удалось потому, что я все это дѣлалъ тайкомъ, не расходовался на

совѣты и болтовню. По неволѣ приходилось. Воображаю, какъ оторопѣлъ бы любой изъ моихъ чиновниковъ, заглянувъ въ «Лялькину» комнату. Во-первыхъ, я бы немедленно прослылъ сумасшедшимъ. И какъ обрадовался бы мой вице-директоръ! Бѣдному меня посадили на шею. Взяли изъ другого вѣдомства, а онъ уже чуть не принималъ поздравленія. Плохимъ утѣшеніемъ была ему Станиславская лента!... Всякій разъ, когда онъ справляется о моемъ здоровьѣ, я, можетъ быть, и грѣшу, но думаю, что мысленно онъ посылаетъ меня туда, «идеже нѣсть болѣзни и въздыханія». Ему особенное удовольствіе доставляетъ сѣсть на мое кресло и, когда я не бываю въ департаментѣ, принимать за меня доклады. Обо мнѣ онъ долженъ думать не важно. «И что-де наши въ этомъ дураки? Я и умнѣе, и талантливѣе его. Вѣрно онъ просилъ, ползалъ (это я-то!) — ну, и добился. Истинныя заслуги всегда приносятся въ жертву пролазничеству и интригѣ!» Если и не таковы его мысли, то

во всякомъ случаѣ въ этомъ стилѣ. Мой товарищъ, директоръ другого департамента, рассказывалъ же, что его «вице», которому надоѣло ждать, началъ служить о немъ паннихины, какъ о мертвомъ. Ему говорили, что это помогаетъ!... Можетъ быть, и за упокой души раба Божія Ардаліона кто-нибудь подаетъ просвирки!...

II.

Какъ это давно случилось! Даже не узнаешь себя, оглядываясь на прошлое. Миѣ повезло на службѣ, и въ тридцать лѣтъ я былъ произведенъ въ надворные. Можетъ быть, именно потому, что безъ меня не могли обойтись. Обо мнѣ, смѣясь, говорили: «Петровъ не намъ чета. У него въ суткахъ сорокъ восемь часовъ—и изъ нихъ сорокъ онъ работаетъ». Оно, впрочемъ, понятно, я всегда былъ самолюбивъ, и дяденекъ и тетенокъ, обивающихъ министерскіе пороги, въ моемъ распоряженіи не

оказывалось. Приходилось самому о себѣ заботиться и не только отъ дѣла не бѣгать, по ловить его вездѣ, гдѣ возможно. При этомъ у насъ, у чиновниковъ, выработался особенный способъ дѣлать карьеру. Надо обладать воображеніемъ — ни больше, ни меньше. Оно не однимъ поэтамъ необходимо, но и хорошему начальнику отдѣленія. Такихъ сотни, — гдѣ обратить на себя вниманіе, только исполнительностью не возьмешь! Къ счастью, у насъ падки на проекты. Надо понасть во время и въ настроеніе. Не со всякимъ сунешься сослѣду. При семъ очень хорошо, если чиновникъ связанъ съ какою-нибудь редакціей. Это васъ ставитъ на видъ. Васъ ищутъ, — кому не пріятно прочесть нѣсколько строкъ въ распространенномъ изданіи, да еще съ прилагательными «дѣятельный, знающій, оказавшій большія услуги отечеству и т. д.». Разъ попали въ такую линію, да есть у васъ тактъ, — живо въ «дѣйствительные статскіе» выскочите. Но тутъ надо уловить моментъ. До «дѣйстви-

тельного» являться съ литературой полезно, но далѣе требуется осторожность. Вы уже работайте черезъ другихъ, а сами не очень-то подчеркивайте связь съ печатью. Тутъ ее вамъ въ счетъ поставятъ, пожалуй. Съ газетой сношенія завести легко. Насколько любой журналъ чужаится всякой казенщины, настолько ежедневная печать нуждается въ насъ. Ей необходимы служебныя извѣстія, слухи о «видахъ и предположеніяхъ». Не дурно, знаете, во-время напечатать такую передовицу, которая совпадетъ съ важною правительственною мѣрой. Простодушный подписчикъ воображаетъ, что рѣшающія учрежденія прислушиваются внимательно къ мнѣніямъ газеты и такимъ образомъ создается ея вліяніе. Оттого-то такъ много между нами всякаго рода «сотрудниковъ». Ну, и отъ начальства безопаснѣе. Все поосторожнѣе съ нами будетъ. Не сразу за жабры схватить. «Еще, пожалуй, потомъ онъ распишетъ». Такъ вотъ придумаешь какой-нибудь проектъ, — пусть хоть глупый, все рав-

но, — и сейчасъ о немъ самъ разблаговѣстишь: «до нашего свѣдѣнія дошло, что талантливый и дѣятельный чиновникъ такого-то министерства разработалъ положеніе... и т. д.». Потомъ нѣсколько разъ вернешься къ тому же вопросу въ передовыхъ статьяхъ и всюду въ красную строку: «обращаясь къ проекту энергичнаго, дѣятельнаго и хорошо освѣдомленнаго Н. Н. (имя рекъ)». Въ концѣ-концовъ и высшая власть начинаетъ любопытствовать: «что это за талантливый и дѣятельный чиновникъ завелся у него? А ну-ка, назначить его въ разныя коммиссіи». И только дошли вы до этого вождедѣннаго предѣла, не надо вамъ будетъ ни тетушекъ, ни дядюшекъ съ свободнымъ входомъ въ министерскую гостиную. Вы на виду, и если обладаете верхнимъ чутьемъ, умѣете держать носъ по вѣтру, такъ и Владимиръ на шею не за горами. Только смотрите, плетя свою паутину, не забываетесь. Печать въ служебномъ отношеніи глупа и на медвѣжьи услуги всегда способна. Вы такъ себя хвали-

те, чтобы въ этомъ и начальству одобреніе слышалось. Умѣть - де выбирать полезныхъ сотрудниковъ, прекрасная школа для работниковъ и т. д. Чѣмъ тоньше, тѣмъ лучше. Вы не вѣрьте, когда мы, нѣкоторымъ образомъ сановники, говоримъ: «намъ наплевать на газеты». Это такъ, въ модѣ если хотите, для вящаго «представленія и усмотрѣнія» своей независимости. Пусть потомъ говорятъ: такой-то не гоняется за популярностью, а служить дѣлу. Въ сущности же къ двумъ-тремъ газетнымъ строкамъ мы очень равнодушны, пожалуй, такъ же, какъ къ женщинѣ. Ну, такъ вотъ, благодаря и работѣ и умѣнью, въ тридцать лѣтъ я былъ уже на виду. Со мною считались, у меня явились департаментскіе враги, ожидавшіе, что я имъ сяду на шею, и друзья, цѣлко хватавшіеся за фалды моего вицъ-мундира, чтобы подняться на желаемую высоту. Я возился съ семью комиссіями и, кромѣ того, исполнялъ одно порученіе за другимъ. Товарищъ министра снисходилъ иногда бесѣдо-